

Систематика балладных сюжетов в литературе и фольклоре

Научная статья

УДК 398.332 + 161.3 (571)
DOI 10.25205/2713-3133-2025-4-5-20

Балладные сюжеты в белорусских песнях сибирского бытования

Наталья Владимировна Леонова¹
Татьяна Владимировна Дайнеко²

¹ Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки
Новосибирск, Россия

² Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

nleonova53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9350-8265>
tan-dai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9801-3007>

Аннотация

В статье излагаются результаты исследования песен с балладными сюжетами, записанных (начиная с 1970-х гг. и до настоящего времени) от белорусов в основных очагах расселения этноса в сибирско-дальневосточном регионе – в Омской, Новосибирской, Тюменской областях, в Красноярском и Приморском краях. Авторы статьи опираются на классификацию народных баллад, принятую в белорусской фольклористике, а также на классификацию славянских повествовательных песен Ю. И. Смирнова. Применяя сравнительно-сопоставительный метод исследования, авторы статьи устанавливают, какие сюжеты, представленные в текстах баллад материнской традиции, сохранились в фольклоре белорусов-переселенцев. Выявляется функциональная и жанровая принадлежность сибирских песен с балладными сюжетами. Приводятся результаты аналитического рассмотрения отдельной группы песен на один сюжет.

Авторы приходят к выводу, что песни с балладными сюжетами сибирского бытования имеют утилитарные функции, не обладают поэтической и музыкально-стилевой однородностью и спецификой. Эти песни нельзя выделить в качестве самостоятельного жанра: песенные сюжеты реализуются в нескольких жанровых формах – обрядовой, хороводной, лирической.

Ключевые слова

Сибирь и Дальний Восток, фольклор, белорусы-переселенцы, баллада, тема, сюжет, жанровые характеристики, функциональность песен

© Леонова Н. В., Дайнеко Т. В., 2025

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2025. № 4. С. 5–20
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2025, no. 4, pp. 5–20

Для цитирования

Леонова Н. В., Даинеко Т. В. Балладные сюжеты в белорусских песнях сибирского бытования // Сюжетология и сюжетография. 2025. № 4. С. 5–20. DOI 10.25205/2713-3133-2025-4-5-20

Ballad Plots of Belarusian Songs in Siberia

Natalia V. Leonova¹, Tatyana V. Dayneko²

¹ M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory
Novosibirsk, Russian Federation

² Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

nleonova53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9350-8265>
tan-dai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9801-3007>

Abstract

The article considers the songs with ballad plots recorded from settlers of Belarusian origin in Siberia and the Far East (Omsk, Novosibirsk and Tyumen Oblast, Krasnoyarsk and Primorsky Krai) from the 1970s to the present day. The collection of Belarusian songs with ballad plots from Siberia is preliminary in nature and is compiled on the basis of several archival collections and published sources.

The authors use the classification of folk ballads developed by Belarusian folklorists, as well as on a broader classification of Slavic narrative songs by Yu. I. Smirnov. The main research method is comparative. It is found out which original Belarusian ballad plots have been preserved in the folklore of settlers. In Siberian songs, 24 plots have been identified (most of them with mythological motifs); these plots were met in 57 texts. The functional and genre affiliation of Siberian songs with ballad plots is revealed. The results of the analysis of a group of songs with one plot are presented (9 texts with the plot Brother led sister across the sea / river).

The authors come to the conclusion that the examined songs with ballad plots have utilitarian functions and are poetically, musically and stylistically heterogeneous. The ballad plots are used in several genre forms - ritual, round dance, lyrical.

Keywords

Siberia and the Far East, folklore, Belarusian settlers, ballad, theme, plot, genre characteristics, functional of songs

For citation

Leonova N. V., Dayneko T. V. Ballad Plots of Belarusian Songs in Siberia. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2025, no. 4, pp. 5–20. (in Russ.)
DOI 10.25205/2713-3133-2025-4-5-20

Введение

В повествовательном фольклоре восточнославянских народов – белорусов, русских, украинцев – баллада занимает особое место, отличаясь от других жанров прежде всего в содержательном аспекте. По научному определению, это «лирико-эпическая песня, отображающая драматические и трагические коллизии в сфере личного, семейного и общественного быта человека» [Восточнославянский фольклор..., 1993, с. 15]. В народной терминологии нет особого наименования этого жанра: баллады называют «песнями», «стихами», на Русском Севере – «старинами» (как и былины) [Народные баллады, 1963, с. 5]; часто для обозначения песни используют ее качественные характеристики, например, белорусы называли баллады песнями *доўгімі, даўнімі, смутнымі, жалоснымі*, некоторые исполнители, видимо, желая подчеркнуть достоверность излагаемых в песне событий, использовали слово *быль* [Баллады..., 1977, с. 6].

Главный признак баллады – наличие напряженного сюжета: текст обязательно содержит конфликт, события развиваются динамично, содержание их драматическое, а связь трагическая. Зачастую текст баллады повествует о кровавых расправах, убийствах, других необратимых, непоправимых событиях, которые допустимы в реальном мире либо являются фантастическими (например, превращение женщины в дерево и пр.). «Баллады поднимают морально-этические проблемы: в центре их внимания злодейство и возмездие, верность и измена, любовь и ненависть и т. д.»¹ [Там же, с. 5]. Повествование в балладе ведется от первого лица («Чаму таму дзераўку бог лісточак даў, / А мне, маладзенъкай, бог долі не даў?» [Там же, № 18]) либо «от автора» – третьего лица, которое не принимает непосредственного участия в описываемых в тексте событиях («Была ў маткі дочка адна-адзіночка...» [Там же, № 13]). В finale текста может содержаться некий вывод, обычно заключающийся в осуждении зла.

Настоящая статья посвящена рассмотрению балладных сюжетов в белорусских песнях сибирского бытования². Материалом для исследования послужили опубликованные [Семенова, Семенов, 2003; Скопцов, 2001; 2002; Песни сибирского воинства, 2001; Песни села Новомихайловка, 2013; Традиционная песенная культура белорусов..., 2013; Шульпеков, 2007] и архивные³ записи песен (всего 94 образца), сделанные начиная с 1970-х гг. и до настоящего времени в основных очагах расселения белорусов в Сибири и на Дальнем Востоке – в Омской, Новосибирской, Тюменской областях, в Красноярском и Приморском краях. В работе

¹ Здесь и далее в статье перевод с белорусского языка выполнен нами. – Н. Л., Т. Д.

² В этой статье Сибирь и Дальний Восток рассматриваются как целостный сибирский регион, охватывающий территорию от Зауралья до Тихого океана. Следовательно, словосочетания «сибирское бытование», «сибирская традиция», «сибирские белорусы» и пр. относятся к белорусам-переселенцам, проживающим на всей указанной территории.

³ Песни с балладными сюжетами были отобраны из коллекции материалов по фольклору белорусов-переселенцев, сформированной Н. В. Леоновой из различных архивов, в том числе частных (Государственный архив Новосибирской области, Архив Омского государственного педагогического университета, Архив Новосибирского областного центра русского фольклора и этнографии, личные архивы Л. М. Свиридовской, Н. К. Козловой). Копии в настоящее время хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки.

применяются прежде всего средства сравнительно-сопоставительного метода исследования. Тексты сибирских песен с балладными сюжетами сравнивались с текстами песен из ставшего уже классическим свода баллад, собранных и изданных на территории Беларуси [Балады, 1977; 1978]. Также авторы опираются на методику исследования произведений славянского эпического фольклора, разработанную в трудах Ю. И. Смирнова [1974; 1988]. Цель исследования – установить, какие сюжеты, содержащиеся в текстах баллад материнской традиции, сохранились в фольклоре белорусов-переселенцев, а также выявить функциональную и жанровую принадлежность песен с балладными сюжетами.

Сюжетный состав народной белорусской баллады

В белорусской фольклористике принято подразделять баллады на пять видов [Балады, 1977, с. 11]:

- баллады с мифологическими мотивами;
- баллады сказочные и легендарные;
- баллады, содержащие загадки;
- баллады игрово-хороводного склада;
- новеллистичные баллады.

Внутри вида баллады группируются исследователями по принадлежности к тому или иному сюжету; количество сюжетов в каждом виде неодинаково, в некоторых достигает нескольких десятков⁴.

Баллады с мифологическими мотивами (№ 1–436) – чрезвычайно развитый и интересный вид, выделяющийся как количеством сюжетов (25 групп), так и наличием архаических мотивов. «Для этого вида характерно включение мотива метаморфозы, что придает балладам черты этиологических (объяснительных) мифов...» [Там же]. Например, среди баллад о превращении людей в растения наиболее «мифологичен» сюжет о происхождении цветка «анютины глазки». В текстах баллад раскрываются причины и обстоятельства превращения людей в дерево / кустарник (в «заповедные» рябину, калину, вербу, явор и пр.), птицу (например, кукушку) или в другую, неодушевленную часть природы (например, в реку Дунай, в камень и пр.). Исследователями отмечается связь баллад этого вида с древними анимистичными верованиями славян, а также с греческими и индийскими мифами.

Баллады сказочные и легендарные (№ 437–485, 12 сюжетных групп). Сказочные баллады отличаются тем, что в их тексты вплетены фантастические, сверхъестественные образы, встречающиеся в сказках: например, «звери... разговаривают, как люди, человек налаживает договорные отношения с персонифицированными явлениями природы, стихиями...» [Там же, с. 14]. Как и в сказках, в сказочных балладах герой проходит через множество тяжелых испытаний или погибает, но, в отличие от сказок, в балладных текстах его гибель происходит навсегда, необратима. Легендарных баллад на территории Беларуси зафиксировано немного, и большинство их сюжетов представляет собой народную обработку библейских

⁴ Далее в разделе для каждого вида белорусских баллад указано количество сюжетных групп, а также номера образцов, отнесенных к данному виду (в двухтомнике используется сквозная нумерация песен) [Балады, 1977; 1978].

мотивов: о христианской основе свидетельствуют как имена героев, так и сюжетное развитие; наиболее ярким является сюжет «про поганого цмока и Юрия» [Баллады, 1977, с. 15–16].

Главная характеристика *баллад*, *содержащих загадки* (№ 486–502, 3 сюжетные группы), обозначена в названии этого вида. Такие баллады в полной мере отвечают критериям жанра: это «повествовательные произведения, действие в них разворачивается стремительно, передается драматизированно, посредством диалогов», часто имеет трагическую развязку [Там же, с. 16]. Сами загадки являютсяrudimentами стаинных драматических обрядов (инициации, выбора человеческой жертвы и пр.), либо в них в свернутом виде содержится некий минимум мифологических знаний, необходимость усвоения которого была закреплена в традиции. «Магический комплекс загадок мог служить своеобразным знаком, паролем людей одного племени, одной общине» [Там же, с. 17].

В текстах *баллад игрово-хороводного склада* (№ 503–537, 12 сюжетных групп) всегда содержится сравнение «милого / милой» с родной и последовательно проводится мысль, что любимый лучше. Тексты баллад этого вида построены по принципу повторения с нарастанием (например, девушку пытаются выкупить у турков отец, мать, сестра, брат, а удается это сделать только милому), и эта композиционная схема сохраняется, «тогда как само повествование приобретает своеобразное решение в различных сюжетах» (аллегоричное, историчное, семейно-бытовое, величальное) [Там же].

Вид *новеллистических баллад* является наиболее объемным по количеству песенных образцов (№ 538–1128). Среди сюжетов песен (111 групп), опирающихся на реальные жизненные коллизии, отмечаются любовные, семейно-бытовые, социальные и даже авантюрные. Часть сюжетов основана не на столкновении человека с внешними силами, а на внутреннем душевном конфликте. В новеллистических балладах практически не используются элементы фантастики. Текст наполнен «жизненными», достоверными подробностями, однако при этом повествование строится так, «как будто это совершенно неземное событие, какое-то очередное чудо» [Там же, с. 19].

Научные подходы к изучению повествовательных песен в российской фольклористике

Исследователь славянских эпических традиций, составитель указателя «Восточнославянские баллады и близкие им формы» Ю. И. Смирнов в систематизации фольклорного материала опирается на такое фундаментальное свойство фольклора, как «его изменчивость во времени – от поколения к поколению, и в пространстве – от места к месту» [1988, с. 6]. Учет временных изменений позволил ученым выделить наряду с первичной формой эпической баллады, в которой содержится описание ситуаций, отражающих «многообразие кровнородственных и семейных отношений и отношений между молодцем и девушкой» [Там же], ряд форм, связанных с иными, песенными, жанровыми разновидностями. К таковым, близким к балладам по сюжетам формам, он относит песни, исполняемые во время гуляний и застолий («протяжные»), в хороводе или под пляску, во время праздников (обрядов) или свадеб, а также «сюжетные народные песни, сложенные в подражание литературным образцам» и «литературные песни, по содержанию

идущие от фольклорных образцов и приобретшие фольклорное бытование» [Смирнов, 1988, с. 7].

Таким образом, Ю. И. Смирнов формирует представление о песенном эпосе как о народной песенной повествовательной системе, включающей все группы повествовательных / сюжетных песен, и о многообразии форм бытования сюжетов, сюжетных типов первичных эпических жанров, в том числе баллад, во времени и пространстве.

Исследовательские идеи были воплощены Ю. И. Смирновым сначала в опубликованном в монографии «Славянские эпические традиции» Списке схождений между повествовательными песнями славянских народов [Смирнов, 1974, с. 113–143] (далее – Список). На основе сравнения эпических произведений русского и южнославянского (болгары и македонцы), украинского, польского, словацкого происхождения и выявления сюжетных схождений разного уровня автор включил в Список 93 группы сюжетов, объединенных в 10 тем:

- I. Герой получает или утрачивает силу
- II. Мать и сын
- III. Отражение нападения (врагу нужна женщина)
- IV. Этнический герой добывает женщину
- V. Необыкновенная жена
- VI. Брат и сестра
- VII. Братья (кровные) родственники
- VIII. Возвращение долго отсутствовавшего мужа (милого)
- IX. Молодец и девушка
- X. Смерть героя
- XI. Несгруппированные песни.

В 1988 г. Ю. И. Смирновым был опубликован отдельный Указатель сюжетов и версий восточнославянских баллад [1988] (далее – Указатель), который содержит 250 песенных сюжетов, представленных эпическими, лиро-эпическими, лирическими, обрядовыми версиями и вариантами и объединенных в три темы:

Тема I. Мать и сын (дочь)

Тема II. Мифическому существу (этническому врагу, чужеземцу) нужна девушка

Тема III. Этнический герой добывает девушку

Кроме того, исследователь приводит Перечень контаминаций сюжетов.

В этномузыкологии баллада в качестве единого самостоятельного жанра, как правило, не выделяется, этот жанр определяется в качестве единицы филологической классификации фольклора. При изучении и обозначении жанров этномузыкологи опираются на важные в методологическом отношении положения, сформулированные Е. В. Гиппиусом: о необходимости «разграничить категории жанра как поэтической единицы и единицы музыкальной», а также о том, что «жанр не может существовать как абстрактная категория, а всегда имеет локальную специфику» [Научная проблематика..., 2003, с. 35–36]. Эта специфика обусловливается положением жанра в конкретной локальной музыкально-фольклорной традиции, его соотношением с другими, главным образом централизующими компонентами жанровой системы [Гиппиус, 1982, с. 8] или жанрово-стилевыми

доминантами [Лапин, 1995, с. 180]. В разных по времени и месту формирования музыкально-фольклорных традициях песни с балладными сюжетами по особенностям бытования и стилевым характеристикам, как правило, воспроизводят функциональные и стилевые нормы централизующих компонентов системы.

Обозначенные выше классификационные и методологические позиции использовались в ходе анализа белорусских образцов сибирского бытования.

Атрибуция балладных сюжетов в песнях белорусов-переселенцев по классификации Ю. И. Смирнова

Сюжеты, обнаруженные в белорусских песнях сибирского бытования, встречаются и в русских балладах. В Указателе Ю. И. Смирнова [1988] содержатся 16 сюжетов, которые атрибутируют 37 песенных сибирских образцов (ниже указаны номер и название сюжета, после тире – количество сибирских образцов, в которых он обнаружен).

Тема I. Мать и сын (дочь)

- 3. Волки у забытого в поле ребенка – 5
- 4. Медведь (волк) приходит к жнице – 1
- 21. Вдова и сыновья-корабельщики – 2
- 28. Господь и девка,топившая своих детей некрещеными – 3
- 42. Сын прогнал мать из дома – 2
- 43.0.1. Отец прогнал детей из дома + Брат женился на сестре – 2
- 48.0.1. Муж жену губил (контаминация, 2 часть) – 3

Тема II. Мифическому существу (этническому врагу, чужеземцу) нужна девушка

- 70.1. Молодец сманил девушку и увел в темный лес – 1
 - 77.1. Казаки увезли Хайку со всем добром, обобрали и бросили в воду – 1
 - 79.3. Молодцы сманили девушку – 1
 - 92. Мазур подговаривает девушку и увозит с собою – 1
 - 135. Брат вел сестру через море / реку – 9
- Тема III. Этнический герой добывает девушку**
- 220. Черноморец привел коней поить и утонул – 2
 - 222. Девушка пойдет замуж за того, кто достанет за морем зелье – 1
 - 232.1/2. Венок из перьев павы – 1
 - 232.2. Семья ищет перстень девушки / брат и милый ищут перстень – 2

Список из монографии Ю. И. Смирнова [1974] дополнил сибирскую базу 7 сюжетами (атрибутированы 24 сибирских образца).

Тема VI. Брат и сестра

- № 50. Девушка идет для раненого за водой – 6
- № 51. Замужняя дочь прилетает домой кукушкой – 7

Тема VII. Братья (кровные родственники)

- № 54. Поединок братьев – 1

Тема VIII. Возвращение долго отсутствовавшего мужа (милого)

- № 59. Узнавание долго отсутствовавшего мужа – 1
- № 62. Мать губит сноху в отсутствие сына – 3

Тема IX. Молодец и девушка

№ 76. Смерть гонимых влюбленных – 3

Тема X. Смерть героя

№ 78. Три птицы у тела убитого (мать, сестра, жена) – 6

Двенадцать сюжетов (17 сибирских образцов), отсутствующие в Указателе и Списке Ю. И. Смирнова, найдены в опубликованных собраниях баллад, в частности в сборнике, подготовленном Д. М. Балашовым: в разделах семейно-бытовых (10 сюжетов, 15 сибирских образцов) и новых (2 сюжета, 2 образца) баллад [Народные баллады, 1963].

Таким образом, суммарно по российским источникам в сибирской коллекции белорусских песен подтверждены 35 балладных сюжетов, атрибутирующих 78 песенных образцов. Это обстоятельство свидетельствует о принадлежности зафиксированных в Сибири и на Дальнем Востоке сюжетов к общему фонду восточнославянского и, шире (имея в виду материал Списка Ю. И. Смирнова), славянского повествовательного песенного фольклора. Часть песен (16 образцов) не нашла подтверждения в использованных для атрибуции материалах. Можно предположить, что эти песни относятся сугубо к белорусскому фольклору и не имеют аналогов в русских традициях, или их не следует рассматривать в ряду лиро-эпических, повествовательных песен, поскольку они принадлежат к иной жанровой сфере.

**Балладные сюжеты песен белорусов-переселенцев
по классификации сюжетов народных баллад материнской традиции**

Сопоставление текстов сибирских песен и белорусских баллад показало, что в переселенческой традиции есть песни с сюжетами, принадлежащими ко всем балладным видам, по классификации белорусских фольклористов (ниже приводим названия вида и сюжета, после тире – количество сибирских образцов, в которых найден последний).

Балады з міфалагічнимі матывамі

Дачка-птушка – 5

Тры птушачкі ля забітага малойчыка – 7

Свякруха заклінае нявестку ў рабіну – 2 (в одном из образцов – в тополь)

Браткі – 2

Удава і сыны-карабельнікі – 2

Сястра утапілася – 9

Маці атручвае сына і нявестку – 1

Маці разгадвае дзіўны сон – 2

Балады казычныя і легендарныя

Ваўкі-няньки – 6

Балады, якія змяшчаюць загадкі

Адгадаешь – скажам, дзе коні – 1

Балады гульнёва-карагоднага складу

Паненка згубіла пярсцёнак – 1

Балады навелістычныя

Казаки (чужаземцы) намаўляюць дзяўчыну на вандроўку – 3

Чарнаморац патанае – 2

Заморскае зелле – 1

Жонка князя Васіля памірае – 1

Галубка-ўдава – 1

Казак топіць жонку – 3

Муж (сын) непазнаны вяртаецца з вайны – 1 – в тексте дана современная интерпретация балладного сюжета («– Скажи, скажи, хозяйшка, с каких ты пор одна? – Я с сорок первого года, как началась война»)

Дзяўчына атручуае хлопца за нявернае каханне – 1 (смерть молодца, любившего трех девушек)

Муж пазбаўляеца ад жонкі-няўдаліцы – 3

Конь – звязтун смерці – 1

Брат брата забіў – 1

Муж прапівае жонку – 1

Свякроў нявестку з свету збаўляла – 1

Всего в песнях сибирского бытования выявлено 24 сюжета, относящихся главным образом к двум видам баллад материнской традиции – с мифологическими мотивами и новеллистичным; они атрибутируют 57 сибирских текстов. Вместе с тем в двухтомнике белорусских баллад не найдены соответствия для некоторых текстов, которые в сибирской традиции являются не единичными (сюжеты: Мильный пожелал ключевой воды / с Дунай-реки; Господь и девка, которая утопила своих некрещеных детей; и пр.). Возможно, ряд сюжетов не рассматривается белорусскими исследователями как балладные. Для прояснения, безусловно, требуется дальнейшее изучение других белорусских источников, содержащих балладные тексты.

Функциональная и жанровая принадлежность белорусских песен сибирского бытования

Ранее уже шла речь о том, что в народной терминологии слово «баллада» отсутствует, народные исполнители определяют песни с балладными сюжетами главным образом по времени, месту или событию, с ними связанными. Приуроченность белорусских песен сибирского бытования выглядит следующим образом (к сожалению, для половины песен обстоятельства их исполнения собирателями и составителями сборников не указаны):

- на Рождество – 1 песня;
- во время Великого поста, перед Пасхой (постовая, «постная») – 11;
- водили или пели на Пасху – 3 (2 из них – волочебные);
- после Пасхи, на Радуницу, от Паски до Вознесения – 16;

- на Троицу, весной – 4;
- на Ивана Купала – 2;
- «жниво», когда жали – 4;
- во время полевых работ и в любое время – 3;
- в любое время, уличные, на гуляниях, праздничных «кулицах» – 2;
- невесте-сироте – 1.

Как видно, исполнение песен с балладными сюжетами тесно связано с календарными обрядами и праздниками, основная их масса группируется вокруг / до и после Пасхи. До Пасхи, т. е. во время Великого поста, эти песни сопровождали женские работы: «Эта *тирада Паскай*, вот пост называется, и яе пають ету песню. Што-нибудь делают: то раньшэ прали, красны ткали... так кругом дивчатки кружеса вяжут, то расшивают» (Александровка, Омская обл., Е. Л. Земницкая, 1918 г. р., из минских переселенцев). Это свидетельство того, что песни с балладными сюжетами оценивались их носителями как «серые», «безгрешные», пение которых, хотя и скращивает однообразный труд, но допустимо в период поста.

К обрядовым обстоятельствам отнесены несколько песен послепасхального периода (к примеру, «стреловые» песни, исполняемые в промежутке между Радунницей и Вознесением), а также песни на Ивана Купала и «жниво». Пение песен «в любое время» (*абы-кали*) исполнительницы могли конкретизировать: «Када идём на вечорки па дяревни... В любое время, када прядём сидим... на супрадках всё сидели, пели» (Ермиловка, Омская обл., Д. П. Мартынова, 1922 г. р.), полевые песни, как правило, тоже примыкают к пению «абы-кали».

По своим музыкально-поэтическим характеристикам белорусские образцы сибирского бытования должны быть отнесены к песенной жанровой сфере, поскольку все они строфические. Композиционные структуры с тоническим стихом и неравнострочным членением на смысловые фрагменты, аналогичные северорусским эпическим образцам, в нашей коллекции отсутствуют. Наибольшее количество песен относится к трем жанровым группам. Первая – календарные песни (воловьи, троицкие-майские, купальская и жнивная – всего 12 образцов) и песни, организованные по стилевым моделям календарных песен (21 образец). Для них характерно наличие типовых припевов или характерной для обрядовых песен белорусской и западнорусской фольклорных традиций организации двухстрочной строфы из двух одинаковых строк. В эту группу входят также три духовных стиха, одна солдатская по сюжету песня, песня, определенная исполнительницей как «сиротская», и песня с сюжетом литературного происхождения.

Вторую группу образуют песни с любовными и семейно-бытовыми сюжетами, организованные по нескольким моделям необрядовых лирических песен (25 образцов).

Третья группа включает хороводные песни (26 образцов) с типичной структурой музыкальной и поэтической строфы (abrb) и с характерными для данного жанра припевными словами (*лёлюшки, лёли; эй-эй, ой да люля; хей-лёль; люли, люли; ох, и ой, лёли*), например:

*Тячеть речанька, тячеть быстрая,
Ох, и ой, люли, тяче быстраи...*

(Многоудобное Шкотовского р-на Приморского края, Л. А. Ковяхова, 1913 г. р., из черниговских переселенцев).

За пределами этих основных жанрово-стилевых групп остались две плясовые песни с балладными сюжетами и солдатская песня плясового характера.

Преобладающие жанрово-стилевые сферы рассматриваемой песенной коллекции объяснимы. Календарные модели песен с балладными сюжетами связаны с центральным положением календарного песенного цикла в белорусском фольклоре. Хороводные модели определены присутствием в составе сибирских белорусов переселенцев из могилевских и черниговских территорий, в музыкально-фольклорных традициях которых хороводные песни занимают доминантное положение. Необрядовые песенные модели отражают определенный исторический период бытования традиционного музыкального фольклора, связанный с развитием лирической жанровой сферы.

Особенности функционирования значительной части песен сибирских белорусов с балладными сюжетами, их приуроченность к календарным датам и сезонам, а также выявленные основные жанрово-стилевые модели подтверждают мнение Ю. И. Смирнова о различных жанровых «обработках» балладных сюжетов, образующих песенную повествовательную систему многообразными вторичными формами [Смирнов, 1974, с. 94–95].

Аналитическое рассмотрение вариантов одной сюжетной группы

Тридцать пять зафиксированных в Сибири и на Дальнем Востоке балладных сюжетов имеют разное число вариантов, чаще сюжет представлен 1–3 вариантами, 5 сюжетов образуют небольшие вариантовые группы (приводим их названия по белорусской классификации и по Ю. И. Смирнову):

1. *Ваўкі-няньки* (Волки у забытого в поле ребенка) – 5 вариантов
2. *Сястра утапілася* (Брат вел сестру через море / реку) – 9
3. *Дачка-птушка* (Замужняя дочь прилетает домой кукушкой) – 7
4. *Тры птушачкі ля забітага малойчыка* (Три птицы у тела убитого (мать, сестра, жена)) – 6
5. Мильный пожелал ключевой воды / с Дунай-реки – 6

За исключением последнего, все сюжеты включают мифологические и сказочные элементы, т. е. относятся к раннему историко-стилевому слою фольклора.

Рассмотрим подробнее группу песен на второй сюжет. Семь вариантов записаны в четырех районах (районе имени Лазо, Партизанском, Сурожском, Шкотовском) Приморского края от черниговских и могилевских переселенцев в 1969, 1985 и 1993 гг. Два – в Мошковском и Татарском районах Новосибирской области от потомков черниговских и брянских белорусов, обе записи выполнены в 1985 г.

Песни имеют разные зачины: «Как по морю, морю синему», «Что в наших воротиках протекав ручей», «Текла речечка, текла быстрая», «Эта тёк, пратёк белай ручаёк», «Што под Киевом, под Черниговом». Вариативность приуроченности песен незначительная, все они так или иначе связаны с пасхальным периодом:

водили на Пасху, после Пасхи, от Пасхи до Вознесения, на Вознесение. Особые ритуальные или акциональные контексты песен отражены в публикациях и архивных материалах слабо. Известно, что пение новомихайловской песни (Новосибирская обл.) «Что под Киевом, под Черниговом» было связано с обрядом «похороны стрелы».

Словесный текст всех вариантов включает два сюжетных блока, первый – зачинный (от четырех до семи строф): брат с сестрой идут по брусьям / кладочке через море / речечку / ручеёк; брат перешёл, сестра утонула и речь молвила. Второй блок – «кatalogический»: просьба сестры к брату не пить «моревой» / ключевой / из речки воды, не косить луговой / шелковой травы, не ловить белой рыбыцы, не брать чёрных ягодок, не рвать алых цветиков / красных красочек / желтых красочек (от одной до пяти вариативных по количеству, набору и текстовому воплощению просьб в разных текстах). Каждой просьбе дается объяснение: моревая вода – это слёзы мои, шелковая трава – это косы мои, бела рыбица – это тело моё, чёрны ягодки – это глазки мои, алые цветики – то краса моя. В вариантах «просьбы» и «объяснения» излагаются двумя способами: в один или в два блока (в двух вариантах) – сначала все просьбы, а потом все объяснения или, чаще, парами – просьба и тут же объяснение (от одной до пяти пар строф). В новомихайловском варианте объяснение излагается в двух строфах, т. е. блок состоит не из двух, а из трех строф: *Ты не пей, братик, из моря воды; А в море вода – это кровь моя; Это кровь моя, кровь горючая.*

Во всех вариантах строфа двухстрочная, в двух могилевских песнях она строится по обрядовой модели (повторение одной и той же словесной строки без призыва), в черниговских и брянском вариантах строфы строятся по хороводной модели (с припевными словами в начале второй строки и последующим повторением заключительного фрагмента первой строки). Смысловая поэтическая строка во всех вариантах строится по одному принципу: цезурированный стих из двух 5–6-сложных групп с ударной константой на 3-м слоге каждой группы. Такая унифицированность словесных строф обычно сопровождается наличием политектовых напевов, есть они и в данной группе: в Новомихайловке хоровод «Что под Киевом, под Черниговом» поется на тот же напев, что и песня «Ой, пошла стрела у конец села» (оба обрядовые, линейные хороводы), в Васильевке Партизанского района Приморского края хоровод «Што й в варотичках пратекал ручэй» поется на напев песни «Что с-пад лес-лесу, лесу тёмнага» (круговой хоровод).

Сольные варианты песен с данным балладным сюжетом были записаны от исполнительниц примерно одного возраста – 1911–1915 гг. р. (исключение – песня из Мошковского р-на Новосибирской обл., спетая местной жительницей 1939 г. р.). Именно это поколение песенниц сохранило на протяжении минувшего века старый стилевой пласт традиционных песен своих предков.

Аналитический обзор одной группы вариантов показал, что все они объединяются близкими обстоятельствами бытования, имеют общую основу в композиционном устройстве сюжета, стиховой и строфической организации. Наблюдаемые различия, скорее всего, имеют связь с разными исходными локальными традициями белорусского фольклора, бытующими в сибирском переселенческом регионе. Изучение этих связей – дело будущего.

Выводы

Имеющаяся к настоящему времени коллекция белорусских песен Сибири с балладными сюжетами носит предварительный характер, она составлена на основе проработки нескольких архивных собраний и опубликованных источников. Но рассмотрение даже этого далеко не полного материала позволяет составить представление об особенностях песен повествовательного характера. Важно, что значительная часть сибирского материала хорошо опознается по сюжетам белорусского и русского распространения.

Песни с балладными сюжетами сибирского бытования имеют утилитарные функции, не обладают поэтической и музыкально-стилевой однородностью и спецификой. Эти песни нельзя выделить в качестве самостоятельного жанра: песенные сюжеты реализуются в нескольких жанровых формах – обрядовой, хороводной, лирической.

Наиболее существенным является то обстоятельство, что сибирские белорусы, как и их предки в Беларуси, сохраняли высокую оценку содержательно-тематических и идеально-нравственных качеств песен с балладными сюжетами и способствовали сбережению и распространению «благочестивых» образцов благодаря облачению их в наиболее значимые и актуальные песенные формы.

Список литературы

- Восточнославянский фольклор: Словарь науч. и нар. терминологии / Редкол.: К. П. Кабашников (отв. ред.) и др. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. 478 с.
- Гиппиус Е. В. Проблемы ареального исследования традиционной русской песни в областях украинского и белорусского пограничья // Традиционное народное музыкальное искусство и современность (вопросы типологии) / Отв. ред. М. А. Енговатова. М., 1982. С. 5–13.
- Лапин В. А. Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций): Очерки и этюды. М., 1995. 200 с.
- Народные баллады / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова; общ. ред. А. М. Астаховой. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. 2-е изд. 448 с. (Библиотека поэта. Большая серия)
- Научная проблематика исследований Е. В. Гиппиуса // Материалы и статьи. К 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса / Ред.-сост. Е. А. Дорохова, О. А. Пашина. М.: Композитор, 2003. 216 с.
- Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции. Проблемы эволюции. М.: Наука, 1974. 264 с.
- Смирнов Ю. И. Восточнославянские баллады и близкие им формы (Опыт укazателя сюжетов и версий). М.: Наука, 1988. 117 с.
- Балады: ў дзвюх кнігах / Рэд. К. П. Кабашнікаў, В. І. Ялатай. Мінск: Навука і тэхніка, 1977. Кн. 1. 784 с.; 1978. Кн. 2. 744 с. (АН БССР, І-нт мастацтвазнаўства, этнографіі і фальклоре. Беларус. нар. творчасць)

Список источников

- Семёнова И. В., Семёнов О. В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Сурожского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003. 125 с.
- Скопцов К. М. На серебряной реке: Народные песни Бирюльского района / Сбор материала, нотные расшифровки, сост. К. М. Скопцова. Красноярск, 2001. 80 с.
- Скопцов К. М. За лесом солнце воссияло: Народные песни Тасеевского района / Сбор материала, нотные расшифровки, сост., коммент. К. М. Скопцова. Красноярск, 2002. 96 с.
- Песни сибирского воинства / Запись, нотация, сост., предисл. и примеч. Н. А. Шульпекова. Красноярск: Буква, 2001. 240 с.
- Песни села Новомихайловка / Сост., нотирование, коммент. Т. Ю. Мартыновой. Новосибирск: АРТПресс, 2013. 44 с.
- Традиционная песенная культура белорусов («самоходов») Тюменской области. Нотное приложение I // Традиционный фольклор Тюменской области / Авт.-сост. Л. В. Дёмина. Тюмень: Титул, 2013. С. 14–73.
- Шульпеков Н. А. «Расскажи ты, бабка...». Календарный обрядовый фольклор Красноярского края. Красноярск, 2007. 96 с.

References

- Astakhova A. M. (ed.). Narodnye ballady [Folk ballads]. 2nd ed. Introduction, text preparation and notes by D. M. Balashov. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel', 1963, 448 p. (in Russ.) (Biblioteka poeta. Bol'shaya seriya [The Poet's Library. Large Series])
- Gippius E. V. Problemy areal'nogo issledovaniya traditsionnoi russkoi pesni v oblastyakh ukrainskogo i belorusskogo pogranich'ya [Problems of areal research of traditional Russian song in the regions of Ukrainian and Belarusian borderland]. In: Engovatova M. A. (ed.). Traditsionnoe narodnoe muzykal'noe iskusstvo i sovremenost' (voprosy tipologii) [Traditional folk music art and modernity (typology issues)]. Moscow, 1982, pp. 5–13. (in Russ.)
- Kabashnikaŭ K. P., Yalataŭ V. I. (eds.). Balady ў dzvyukh knigakh [Ballads in two books]. Minsk, Navuka i tekhnika, 1977, book 1, 784 p.; 1978, book 2, 744 p. (Belarus. nar. tvorchasts' [Belarusian folk art]). (in Belarus.)
- Kabashnikov K. P. et al. (eds.). Vostochnoslavyanskii fol'klor: Slovar' nauchnoi i narodnoi terminologii [East Slavic Folklore: Dictionary of Scientific and Folk Terminology]. Minsk, Navuka i tekhnika, 1993, 478 p. (in Russ.)
- Lapin V. A. Russkii muzykal'nyi fol'klor i istoriya (k fenomenologii lokal'nykh traditsii): Ocherki i etyudy [Russian musical folklore and history (towards the phenomenology of local traditions): Essays and studies]. Moscow, 1995, 200 p. (in Russ.)
- Nauchnaya problematika issledovaniy E. V. Gippiusa [Scientific problems of E. V. Gippius's research]. In: Dorokhova E. A., Pashina O. A. (eds. and comps.). Materialy i stat'i. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya E. V. Gippiusa [Materials and articles. On the 100th anniversary of E. V. Gippius's birth]. Moscow, Kompozitor, 2003, 216 p. (in Russ.)

Smirnov Yu. I. Slavyanskie epicheskie traditsii. Problemy evolyutsii [Slavic Epic Traditions. Problems of Evolution]. Moscow, Nauka, 1974, 264 p. (in Russ.)

Smirnov Yu. I. Vostochnoslavyanskie ballady i blizkie im formy (Opyt ukazatelya syuzhetov i versii) [East Slavic Ballads and Similar Forms (Experience of an Index of Plots and Versions)]. Moscow, Nauka, 1988, 117 p. (in Russ.)

List of Sources

Pesni sela Novomikhaylovka [Songs of the village Novomikhaylovka]. Compilation, notation, comments by T. Yu. Martynova. Novosibirsk, ARTPress, 2013, 44 p. (in Russ.)

Pesni sibirskogo voinstva [Songs of the Siberian Army]. Recording, notation, compilation, preface and notes by N. A. Shulpekov. Krasnoyarsk, Bukva, 2001, 240 p. (in Russ.)

Semenova I. V., Semenov O. V. Karagod shirokii: Kalandarno-obryadovye pesni pereselentsev Surazhskogo, Novozybkovskogo, Starodubskogo uezdov Chernigovskoi gubernii v Primore [Karagod wide: Calendar and ritual songs of the settlers of the Surazhskiy, Novozybkovskiy, Starodubskiy districts of the Chernigov province in Primorye]. Vladivostok, 2003, 125 p. (in Russ.)

Shul'pekov N. A. "Rasskazhi ty, babka...". Kalandarny obryadovy fol'klor Krasnoyarskogo kraja [“Tell me, grandmother...”]: Calendar ritual folklore of the Krasnoyarsk Territory]. Krasnoyarsk, 2007, 96 p. (in Russ.)

Skoptsov K. M. Na serebryanoi reke: Narodnye pesni Birilyusskogo raiona [On the Silver River: Folk Songs of the Birilyussky District]. Krasnoyarsk, Izd-vo Krasnoyarsk. gos. agrar. un-ta, 2001, 80 p. (in Russ.)

Skoptsov K. M. Za lesom solntse vossiyalo: Narodnye pesni Taseevskogo raiona [The sun rose beyond the forest: Folk songs of the Taseevsky district]. Collection of materials, musical transcriptions, compilation, comments by K. M. Skoptsov. Krasnoyarsk, 2002, 96 p. (in Russ.)

Traditsionnaya pesennaya kul'tura belorusov (“samokhodov”) Tyumenskoi oblasti. Notnoe prilozhenie I [Traditional song culture of Belarusians (“samokhods”) of Tyumen region. Musical appendix I]. In: Demina L. V. (comp.). Traditsionnyi fol'klor Tyumenskoi oblasti [The traditional folklore of the Tyumen region: a repertoire collection]. Tyumen, Titul, 2013, pp. 14–73. (in Russ.)

Информация об авторах

Наталья Владимировна Леонова, кандидат искусствоведения, профессор кафедры этномузыкознания Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки (Новосибирск, Россия)

Scopus Author ID 57210125122

WoS Researcher ID NGS-6178-2025

Татьяна Владимировна Дайнеко, кандидат искусствоведения, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Scopus Author ID 57210122197

WoS Researcher ID AAQ-9955-2020

Information about the Authors

Natalia V. Leonova, PhD in Art History, Professor, Department of Ethnomusicology,

M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory (Novosibirsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 57210125122

WoS Researcher ID NGS-6178-2025

Tatyana V. Dayneko, PhD in Art History, Researcher, Department of the Folklore of the

Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 57210122197

WoS Researcher ID AAQ-9955-2020

Статья поступила в редакцию 10.08.2025;

одобрена после рецензирования 16.09.2025; принята к публикации 16.09.2025

The article was submitted on 10.08.2025;

approved after reviewing on 16.09.2025; accepted for publication on 16.09.2025